

	Ціў-цілік, цілілік, – з трох бакоў З растапырнага чулася пер’я... Я ж за цьмянь каламутных радкоў Прабачэнь не прашу ў шматпер’я. (Г. Юрчанка)
--	--

Адзін з характэрных спосабаў парадывавання пры гэтым – ілюстрацыя таго, як тыя ці іншыя аўтары раскрылі б пэўную тэму, перадалі б вядомы сюжэт і г. д. У якасці прыкладу можна прывесці цыкл пародый Пятра Сушко пад агульнай назвай «Вясёлая касавіца», якому папярэднічае эпіграф Касіў Ясь канюшыну, / Паглядаў на дзяўчыну... (з народнай песні) і фраза “А паспрабуем уявіць сабе, як пра тое ж напісалі б нашы беларускія паэты”. Далей прыводзяцца пародыі на К. Крапіву, П. Панчанку, М. Танка, А. Русецкага, М. Скрыпку, Р. Барадуліна, Н. Гілевіча, А. Лойку. Вось, напрыклад, урывак з пародыі на Р. Барадуліна, у якім пазнаюцца як ключавыя вобразы яго паэзіі (Ушачы), так і характэрная для паэта трапеічная вобразнасць:

Косіць дзяцелінку Ясь,
 Васьміручка блісь ды ясь!
 А пракос у молайца –
 Ад Ушач да Полацка...

Нарэшце, парадывавацца можа метафарычная архітэктоніка такіх кантэкстаў, як літаратурныя напрамкі, стылі, жанры (напрыклад, «Вянок парадыйных санетаў» Міхася Пазнякава, «Круглы стол вакол квадратнага акна» Міхаіла Скоблы, «Лічылка» А. Зэкава і інш.).

Такім чынам, можна сцвярджаць, што тэксты парадыйнага жанру – адна з найбольш цікавых прастор функцыянавання інтэртэкставай метафары, у якой яна падвяргаецца такім аперацыям, як разготванне ў гумарыстычны сюжэт; сутыкненне з кантэкстам, які кантрастуе тэматычна ці стылістычна; прачытанне ў прамым сэнсе (прыём «рэалізацыі») і інш. У парадыйным люстэрку могуць аказвацца розныя па працягласці метафарычныя кантэксты – ад лакальных тэкставых фрагментаў да шырокіх кантынуумаў (ідэястыляў, жанраў і г. д.).

Бібліяграфічны спіс

1. Кураш, С. Б. Метафорика белорусской и русской поэзии: тексто-дискурсивный аспект / С. Б. Кураш. – Мозырь: УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2020. – 322 с.
2. Скобелев, В. П. О структурно-семантических первоосновах поэтики литературного пародирования / В. П. Скобелев // Проблемы изучения литературного пародирования : межвуз. сб. науч. трудов. – Самара : СГУ, 1996. – С. 41–60.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ В СИТУАЦИИ КОСВЕННОГО ОТКАЗА

Н. В. Лавринович (Минск, Беларусь)

Возможность выразить свое коммуникативное намерение имплицитно, используя косвенные высказывания, обладает рядом преимуществ в потенциально конфликтных и конфликтных ситуациях, к которым относится и коммуникативная ситуация отказа. Наиболее значимое преимущество, по мнению Г. Г. Матвеевой, заключается в том, что «в конфликтной ситуации автор высказывания может сказать, что он имел в виду только буквальный смысл

сказанного» [1, с. 72]. Как следствие, в случае коммуникативных рисков косвенные средства реализации интенции предоставляют говорящему потенциальную возможность управлять диалогом, влияя на его дальнейший ход.

Вышеуказанное свойство косвенных высказываний объясняет особый интерес лингвистов к причинам использования косвенного отказа и средств его реализации в текстах художественной литературы. В ситуации отказа собеседники зачастую вынуждены балансировать на грани конфликтности и кооперативности, а косвенные высказывания предоставляют возможность для определенного речевого маневрирования. Так, современными лингвистами (О. В. Бычихина, С. О. Симонова, Я. В. Боргер др.) неоднократно отмечается способность косвенных средств реализации отказа повышать этикетность речевого общения [2, с. 105], создавать благоприятный климат в процессе коммуникации, «вызывая положительное или, в крайнем случае, нейтральное отношение» [3, с. 133].

Следует отметить, однако, что прагматический эффект косвенных средств выражения отказа не ограничивается только митигативной функцией. В ряде случаев на передний план выходит эмотивная функция. В таком случае средства, репрезентирующие косвенный отказ, помимо выполнения своей непосредственной коммуникативной задачи – непринятие побуждения собеседника – направлены также на передачу эмоционального и оценочного отношения говорящего к высказыванию. Эмоциональное состояние автора отказа обуславливает дальнейшее развитие коммуникативной ситуации, направляя ее в сторону гармоничного общения либо, напротив, становясь причиной коммуникативной неудачи.

Одним из таких экспрессивных средств реализации коммуникативной интенции отказа является риторический вопрос. Являясь по форме вопросительным предложением, риторический вопрос содержит уже в себе отрицающее сообщение. Так как в семантике риторического вопроса наблюдается «контаминация оценочного и эмоционального значений» [4, с. 36], такое средство репрезентации коммуникативной интенции обладает богатым потенциалом для выражения различных эмоций [5, с. 11].

В данной связи выявление прагматического потенциала риторического вопроса как средства выражения косвенного отказа видится нам целесообразным и актуальным. Материалом для настоящего исследования послужили диалогические единства, содержащие коммуникативную ситуацию отказа, отобранные методом сплошной выборки из произведений современной немецкой художественной литературы.

В ходе анализа исследовательского материала выяснилось, что употребление риторического вопроса как языкового средства, выражающего косвенный отказ, – нечастое явление. Это обусловлено тесным переплетением интенциональных и эмоциональных компонентов в структуре риторического вопроса. Такая форма отказа встречается в первую очередь в неофициальной обстановке, при несубординативных отношениях между собеседниками и близкой психологической дистанции. Поскольку эмоциональная составляющая выступает в данном типе отказа на передний план, автор отказа зачастую не принимает в расчет собеседника, его желания и эмоциональное состояние, концентрируясь лишь на собственных внутренних чувствах. Как следствие, такой отказ характеризуется достаточно высокой степенью категоричности, рискует попасть в зону коммуникативных рисков, препятствуя достижению положительных коммуникативных результатов.

В немецкой художественной литературе высокой частотностью употребления в коммуникативной ситуации отказа отличается риторический вопрос *Bist du verrückt?* ‘Ты с ума сошел?’. Характерной особенностью данного высказывания является его категоричность и высокая экспрессивность. Например: „Stell mir den vor, bitte!“ „Bist du verrückt, Stella?“ rief er ärgerlich. „Deshalb, weil ich, ich für mich, denjenigen aussuchen will, mit dem ich die Annehmlichkeit oder Unannehmlichkeit haben werde, vielleicht für mein ganzes Leben zusammen zu hausen?“ (L. Holeman. Smaragdvogel) ‘«Представь мне его, пожалуйста!» – «Ты с ума со-

шла, Стелла?» – закричал он сердито. – «Это потому, что я для себя хочу выбрать того, с кем мне будет комфортно, а может быть, и некомфортно прожить всю жизнь вместе».

Наряду с отрицательной реакцией на поступившую просьбу в приведенном текстовом фрагменте риторический вопрос не только явно транслирует эмоциональное состояние говорящего, но также и его чрезмерно негативное отношение к волеизъявлению собеседника. Так, используя негативно-оценочное слово *verrückt* ‘сумасшедший’ и адресуя его собеседнику, говорящий обесценивает предложение собеседника, указывает на неразумность просьбы последнего. Эмоциональное состояние говорящего, находящегося под влиянием таких эмоций, как возмущение, злость и раздражение, дополнительно подчеркивается в последующем контексте *rief er ärgerlich* ‘закричал он сердито’.

Исходя из прагматических целей и для эффективности воздействия на собеседника, говорящий может изменить степень категоричности отказа, варьируя наполнение вышеупомянутого риторического вопроса. Так, личное местоимение *du* ‘ты’ замещается местоимением *ich* ‘я’ – *Ich bin doch nicht verrückt?* ‘Я ж не сумасшедший?’. Как следствие, смысловой акцент смещается с негативной оценки деятельности собеседника непосредственно на автора отказа, выражающего таким образом свое возмущение, что демонстрируется в следующем примере. Интенсивность категоричности отказа при этом снижается. Например: *Dann gab er die Rechnung an den Wirt zurück. „Einverstanden?“ Der Patron warf einen Blick auf die Endziffer. „Ich bin doch nicht verrückt?“ „Einverstanden?“ fragte Ravic noch einmal.* (Remarque, E.-M. *Arc de Triumphe*) ‘Затем он вернул хозяину. «Согласны?» Тот взглянул на последнюю цифру. «Я ж не сумасшедший?»» «Согласны?» – спросил Равик еще раз.

В следующем текстовом фрагменте говорящий, отклоняя побуждение собеседника при помощи риторического вопроса *Wie kann man hier sitzen und überhaupt etwas essen?* ‘Как здесь можно сидеть и вообще что-нибудь есть?’, выражает свое удивление и недоумение, вызванные предложением собеседника: *„Wie wäre es mit einem Picknick hier? Ich komme jeden Tag, bringe mir meist \langle ne Thermoskanne und Kuchen mit und ein Buch und mache es mir hier gemütlich. „Wie kann man hier sitzen und überhaupt etwas essen?“ wunderte sich Anika und schüttelte ihren Kopf vor Enttäuschung.* (Dückers, Tanja. *Spielzone*) ‘«Как насчет пикника здесь? Я прихожу каждый день, беру обычно с собой термос, пирог и книгу и устраиваюсь здесь поудобнее.» «Как здесь можно сидеть и вообще что-нибудь есть?»’ – удивилась Аника и разочарованно покачала головой.’

Помимо этого, не менее важной функцией риторических вопросов является стремление говорящего заставить другого участника коммуникации обратить внимание на свою речь и точку зрения или попытаться убедить собеседника взглянуть на ситуацию с другой позиции. Например: *„Ich kann es gar nicht abwarten, sie Olivia zu zeigen. Kann ich sie gleich nehmen?“ „Wäre das klug?“ erwiderte Toby und stopfte die Perlen wieder in das Säckchen.* (D. Morrissey. *Tränen des Mondes*) ‘«Не могу дождаться, чтобы показать это Оливии. Я могу взять их прямо сейчас?»» «Разве это разумно?»’ – возразил Тоби и положил жемчужины обратно в мешочек.’

В вышеприведенном примере риторический вопрос *„Wäre das klug?“* ‘Разве это разумно?’ помимо непосредственного отказа достаточно мягко выражает сомнение в правильности решения партнера по коммуникации. Это достигается в первую очередь за счет употребления формы сослагательного настроения *Konjunktiv II wäre*, в то же время таким образом собеседник дополнительно побуждается к размышлению и переосмыслению своих исходных намерений.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что в ситуации отказа воздействующий потенциал риторических вопросов, главным образом, обусловлен эмоционально-психологическим состоянием говорящего, а также семантическими особенностями используемого языкового инвентаря. Анализ коммуникативных ситуаций отказа, содержащих риторический вопрос, приводит к выводу о том, что риторические вопросы обладают богатым потенциалом для выражения различных эмоций: возмущение, раздражение, негодование, злость, пренебрежение, удивление, недоумение и др. Прибегая к использованию риторического вопроса

в качестве отрицательной реакции на побуждение, автор отказа в ряде случаев ориентируется на утверждение своей позиции и отстаивание своего мнения. Задавая риторический вопрос, говорящий также выигрывает время, чтобы собраться с мыслями и привести другие аргументы в свою пользу, поскольку любой вопрос, даже риторический, потребует от собеседника ответной реакции.

Библиографический список

1. Матвеева, Г. Г. Два направления в современной прагмалингвистике / Г. Г. Матвеева, И. В. Самарина, Л. Н. Селиверстова // Вестник Спб. ун-та. Сер. 12. – 2009. – Вып. 1. – Ч. II. – С. 50–57.
2. Симонова, С. О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. О. Симонова. – Тамбов, 2011. – 207 л.
3. Ширапова, С. Д. Косвенные речевые акты / С. Д. Ширапова, Н. П. Лунева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008 – № 11. – С. 130–134.
4. Канафьева, А. В. Риторическое высказывание: формы, семантика, функции : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Канафьева ; Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2011. – 50 с.
5. Скородумова, Е. А. Коммуникативно-прагматические особенности риторических вопросов-реакций : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. А. Скородумова ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2010. – 23 с.

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М. В. Ладутько (Могилев, Беларусь)

В XX в. интерес лингвистики к человеку и проблемам его общения выдвинул функциональный аспект на первый план филологических исследований.

Эволюция науки о языке в направлении синтеза коммуникативных и когнитивных принципов исследований позволяет сегодня уточнить содержание термина дискурс, по-новому описать дискурс как объект лингвистического исследования.

Впервые введенный в научный обиход А. Хэррисом в 1952 г., термин дискурс так и не имеет общепризнанного определения.

В современной лингвистике можно выделить несколько подходов к определению дискурса: коммуникативный (функциональный), в рамках которого дискурс рассматривается как вербальное общение (речь, употребление, функционирование языка), как диалогическое высказывание, как речь с позиции говорящего; структурно-синтаксический, представляющий дискурс как фрагмент текста (сложное синтаксическое целое, абзац); структурно-стилистический, в котором дискурс исследуется как нетекстовая организация разговорной речи, характеризующаяся рядом признаков; социально-прагматический, в котором дискурс выступает как текст, погруженный в ситуацию общения, в жизнь, как «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности.

Выделенные подходы частично противоречивы: понятие дискурс осмысливается в тесной связи с такими понятиями, как речь и текст. Дискурс как коммуникативное явление – промежуточное звено между речью как деятельностью и текстом, зафиксированным в ходе общения. Такое противопоставление реального говорения его результату приводит к тому, что текст может трактоваться как дискурс при условии его реального восприятия и попадания в сознание воспринимающего его индивида. Тем не менее описанные подходы дают представление о тройственности природы дискурса: одна его сторона обращена к прагматике,